

УДК 94 (470) 16/18

Образ Австрии в общественном мнении России в XIX – начале XX века

Е. В. Сироткина

Сироткина Евгения Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры лингвистики и социально-гуманитарного образования Педагогического института, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, evgsirotkina@yandex.ru

В статье рассматривается процесс складывания образа Австрии в общественном мнении России в XIX – начале XX в. Основное внимание уделяется влиянию, которое оказывало общественное мнение в этот период на развитие российско-австрийских отношений. Формулируется вывод, согласно которому сформировавшийся в общественном мнении негативный образ Австрии оказывал существенное влияние на развитие внешнеполитического курса российского правительства, мешал поиску компромиссов и подталкивал к противостоянию.

Ключевые слова: образ Австрии, общественное мнение, «Восточный вопрос», российско-австрийские отношения.

Поступила в редакцию: 10.03.2020 / Принята: 25.03.2020 / Опубликована: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Image of Austria in Russian Public Opinion in the XIX – Early XX Century

E. V. Sirotkina

Evgenya V. Sirotkina, <https://orcid.org/0000-0002-8905-6996>, Tambov State University, 181i Sovetskaya St., Tambov 392008, Russia, evgsirotkina@yandex.ru

The article examines the process of forming the image of Austria in Russian public opinion in the 19th – early 20th century. The author pays main attention to the influence that public opinion had during this period on the development of Russian-Austrian relations. The author concludes that the negative image of Austria formed in public opinion had a significant impact on the development of the Russian government's foreign policy, hindered the search for compromises and pushed for confrontation.

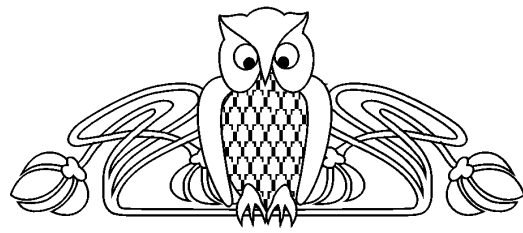
Keywords: image of Austria, public opinion, «Eastern question», Russian-Austrian relations.

Received: 10.03.2020 / Accepted: 25.03.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-364-369>

Начиная с XIX в., общественное мнение все чаще становится самостоятельным фактором в политической жизни, благодаря сочетанию целого ряда факторов – демократизации политического устройства, росту грамотности, новым возможно-

стям коммуникации и распространения информации и т. д. Не будучи величиной материальной и выражаясь в трудно осязаемых формах газетных статей, речей, заявлений, разного рода публичных манифестаций, общественное мнение становится тем не менее одним из мощных инструментов воздействия на внешнюю политику¹.

Австрия в начале XIX в. для русских – это бесконечно далекая страна, о которой мало что было известно широкой публике. Как правило, основные сведения приходили из дипломатического корпуса, который был знаком с Австрией и ее жителями по служебной необходимости. Поскольку дипломатическая резиденция располагалась в Вене, эти сведения, как правило, ограничивались имперской столицей и ее жителями. И поскольку отношения между Россией и Австрией в это время оставались относительно стабильными, Вена представляла в этих насмешливо-ироничных повествованиях, свойственных дипломатическому языку той эпохи, как город-праздник, жители которого отличались легкомысленностью и склонностью к бесконечным развлечениям².

Относительно свободными от конфликтов отношения между Габсбургской монархией и Россией оставались первые десятилетия XIX в., в то время как с 30-х гг. их все чаще начинает тяготить «Восточный вопрос». Истоки этой проблемы возвращают нас в XVIII столетие, когда становится очевидным, что судьба все более слабеющей Османской империи неразрывно связана с судьбами остальной Европы. Из всех европейских великих держав именно Россия и Австрия более всего были заинтересованы в происходящем на Балканах. «Восточный кризис» в течение XIX – начала XX в. развивался как испытание для Европы и поставил вопрос о соотношении сил. Он также стал определяющим фактором в сотрудничестве или противостоянии Австрии и России.

Именно Российская и Габсбургская империи, в первую очередь, могли извлечь выгоду из ухода Османской империи из Европы и получить территориальные приобретения в Южной Европе в случае распада Порты. Так же как и Россия, Австрия стремилась избавиться от наследия османов на Балканах и конкурировала в этом стремлении со своим русским соседом³. Отличие заключалось лишь в том, что в Австрии пока отсутствовало принципиальное мнение по вопросу о сохранении либо разделе Османской империи, в то время как русская политика склонялась к ее переделу. В XVIII – начале XIX в. Австрийская империя от-

носились к такого рода стремлениям с большим подозрением, так как это серьезно угрожало ее доминирующим позициям на Балканах⁴.

Восточная политика Николая I преследовала те же цели, что и политика его предшественников, но отличалась тактически. Со времен Екатерины II завоевание Константинополя и овладение Проливами оставались приоритетными внешнеполитическими задачами России. Вопреки политике бабушки Николай I пытался достичь этих целей, прибегая к «тактике ожидания», которая исходила из того, что путь на Константинополь идет через привлечение к совместной борьбе народов Юго-Восточной Европы как оружия против Порты.

В конце 20-х гг. XIX в. началась Греческая война за независимость. Заключение мирного договора в Адрианополе в 1829 г. было воспринято австрийской стороной как «катастрофа» и как экстремальная опасность Порте со стороны России. Эта позиция привела австрийского канцлера Меттерниха к острому противостоянию с русским царем, но пока еще Россия, как и Австрия, полагала необходимым сохранение Порты и предпочитала поддерживать «больного человека на Босфоре», как тогда стали называть Турцию⁵. Восстановление Священного альянса в Мюнхенграце и Берлине осенью 1833 г. выражало готовность к совместной работе⁶.

В 30-40-е гг. XIX в. в русском обществе, запуганном реакцией правительства на события 1825 г., начинают возникать первые слабые ростки либерального оппозиционного движения. В России в интеллектуальных кругах образуется слой «интеллигенции». Влияние этой группы, правда, оставалось ограниченным преимущественно университетскими кругами и аристократическими салонами, так как именно там формировалась духовная оппозиция к господствующему в России «полицейскому режиму».

Не рискуя прямо выступать против порядков, установившихся при Николае I в самой России, вся сила критической мысли была направлена на союзницу России по консервативному союзу в Европе – Австрийскую империю и ее «полицейский режим», связанный в общественном мнении с именем австрийского канцлера Меттерниха. Именно его обвиняли во всех тех негативных явлениях, которые утвердились в то время и которые переносились на саму Австрию и ее жителей: застой в политической и общественной жизни, преследованиях за политические убеждения, жесточайшей цензуре, отказе от прогресса и гражданских свобод. Меттерниху бросали упреки даже в том, что вся российская политика, в том числе император Николай I и глава внешнеполитического ведомства К. В. Нессельроде, находились под его непосредственным влиянием⁷.

П. В. Анненков (1813–1887) – русский литературный критик – делился своими впечатлениями о пребывании в Вене во времена Меттерниха: «Зиму 40–41 годов мне привелось прожить в

меттерниховской Вене. Нельзя теперь почти и представить себе ту степень тишины и немоты, которые знаменитый канцлер Австрии успел водворить, благодаря неусыпной бдительности за каждым проявлением общественной жизни и беспредельной подозрительности к каждой новизне на всем пространстве от Богемских гор до Байского залива и далее. Бывало, едешь по этому великолепно обставленному пустырю, как по улице гробниц в Помпее, посреди удивительного благочиния смерти, встречаемый и провожаемый призраками в образе таможенников, паспортников, жандармов, чемоданщиков и визитаторов пассажирских карманов»⁸.

Хотя в русском обществе в XIX в. существовал лишь небольшой слой интеллектуалов, ситуация меняется лишь к концу столетия. Именно эта группа несла ответственность за то, что еще до Крымской войны их публикации привели к первому интеллектуальному противостоянию с Габсбургской монархией. «Славянская тема» становится невероятно популярной в общественной жизни России, а «славянский вопрос» только усиливает антиавстрийские настроения. Панславистский миф изначально формировался на основе воображаемого «славянского мира», в котором Россия играет цивилизационную роль, а также устойчивого представления о безусловной преданности и любви к ней всех славян, независимо от подданства и конфессии. Панславянские идеалы получают теоретико-идеологическое обоснование в целом ряде трудов славянофилов – А. Д. Валуева⁹, А. Ф. Гильфердинга¹⁰, В. И. Ламанского¹¹, О. Ф. Миллера¹², А. С. Хомякова¹³ и др.

В 1848 г. Россия отправила около 140 000 чел. для защиты монархических интересов Европы против революционных движений. С этой помощью царь защитил габсбургское «ядро» от революционного влияния с Запада. Русский император отныне был абсолютно убежден в «вечной благодарности» Австрии за ее спасение, однако самое ближайшее время доказало, что он ошибался в своих ожиданиях.

Начавшаяся Крымская война 1853–1856 гг. показала всю глубину российско-австрийских противоречий в «Восточном вопросе», а поведение Австрии вызвало всплеск ненависти в России за ее «неблагодарность» и «предательство».

Император Николай I определял поведение Австрии в Восточном кризисе в письме князю М. Д. Горчакову от 1 (13) февраля 1855 г. двумя словами «коварство и обман»¹⁴. Необходимость охранять западную границу, лишила Россию возможности сосредоточить под Севастополем достаточные силы для отпора англо-французскому вторжению. Героически обороняемый Севастополь должен был пасть, потому что Австрия изменила «долгу благодарности и чести»¹⁵.

События Крымской войны способствовали популярности и росту влияния славянофильских идей на все слои русского общества. А. Ф. Тют-

чева – дочь великого русского поэта и дипломата Ф. И. Тютчева, состоявшая фрейлиной при супруге наследника русского престола, великой княгине Марии Александровне, 17 июля 1854 г. сделала следующую запись в своем дневнике: «Австрия всегда действовала коварно по отношению к России. Между ней и нами антагонизм, какой существует между собачьей и кошачьей природой. Мы глупы, когда даем себя обмануть лживыми уверениями дружбы»¹⁶.

Более взвешенную и объективную оценку Австрии могли дать только те очевидцы, которые получили возможность побывать в этой стране, наблюдать и анализировать ее жизнь в непосредственной близости. Впрочем, что касается политических оценок, они в большей степени оставались ангажированными. Ф. Ф. Торнау, назначенный военным посланником в Вену в 1856 г., писал в своих воспоминаниях о современном ему состоянии Австрии: «До 1848 г. различные австрийские народности, пользуясь полным равноправием, мирно прозябали одна возле другой; стараясь восстановить свою революцией потрясенную власть, правительство разбудило благодушно дремавший племенной антагонизм: славян вооружило против венгерцев; из чехов образовало полицейский надзор в немецких провинциях; славян, проявивших свою силу, повело путем скрытой германизации и пуше всего принялось козвенно теснить протестантов, составлявших в Венгрии религиозно-политический элемент, не допускавший открытого нарушения принадлежавших ему исторических прав»¹⁷.

Вскоре после начала волнений на Крите (1866–1867) Петербург обратил внимание на аннексионные планы Австрии в отношении Боснии и Герцеговины. Это произошло, когда австрийский посол в Петербурге Ревертера во время переговоров с А. М. Горчаковым попытался выяснить русскую позицию по этому вопросу. Ответ русского канцлера был ни обнадеживающим, ни категорически отрицательным, но по сути выражал определенную волю к сотрудничеству. Одновременно Горчаков заверил австрийского посла относительно состоявшейся в Москве в 1867 г. этнографической выставки, которая была организована Славянским благотворительным обществом, что русское правительство никоим образом не поддерживает «славянофильскую утопию»¹⁸.

В это время, когда политические отношения между Дунайской монархией и Российской империей после Парижского мира 1856 г. достигли своей первой низшей точки и ко времени австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины в 1878 г. уже традиционно оставались плохими, российское общественное мнение укрепилось благодаря улучшению ситуации с образованием и в существенной мере распространению газет и публицистики. Известно, что отдельные читатели часто идентифицируют свои политические взгляды с политической линией тех газет, которые они предпочитают читать.

В российском общественном мнении получила развитие форма панславистских представлений, в которой дихотомия «Россия – Австрия» оказалась заострена до идеи их альтернативного существования. Не только пресса панславистской направленности, но и издания либерального и демократического толка критически расценивали положение Австрийского государства и предсказывали его близкий крах. Газеты уделяли много внимания угнетенному положению австрийских славян, обвиняя в этом австрийское правительство. Естественно, наиболее резко позволяли себе высказываться панславистские издания. В публикациях на эту тему, как правило, повторялись два основных мотива: предательство во время Крымской войны и национальный сепаратизм как «роковая сила», которая «неизбежно влечет к гибели» австрийскую государственность. Австрию оценивали как государство, которое так и не смогло реализовать принцип империи: «Это не есть нация, в ней нет единого народа, а есть только народы». «Дикий анахронизм», в котором сосуществование народов объясняется лишь инерцией «законности»¹⁹. Как правило, «славянская взаимность» трактовалась как некая особая духовная связь, присущая сознанию каждого славянина. При этом подчеркивалась материальная «слабость» зарубежных славян, неразвитость их государственного опыта, неспособность к самостоятельным политическим действиям. После поражения австрийской армии в «молниеносной войне» с Пруссией в 1866 г. мало кто сомневался в близком крахе монархии Габсбургов.

В 1869 г. увидела свет работа идеолога панславизма Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», в которой доктрина русского панславизма была сформулирована с точки зрения геополитики и, по словам министра иностранных дел России в 1906–1910 гг. А. П. Извольского, «сделала много для создания в России воинственного настроения»²⁰.

Через призму «славянского вопроса» Данилевский рассматривал и проблему отношений России и Австрии, а также дальнейшие судьбы славянства. Ссылаясь на исторические примеры, он утверждал, что именно «славяне, без различия племен, всегда были самыми преданными подданными Австрии, – не только более верными, чем мадьяры, но даже, чем и сами немцы»²¹. Поэтому он видел вопиющую историческую несправедливость в том, что господствующее положение в империи Габсбургов занимали только два народа – немцы и венгры. Положение славянских народов Австро-Венгрии расценивалось им как угнетенное: «немецкой народности подчинены и принесены в жертву чехи, словенцы и далматы, ... ради мадьярского меньшинства угнетены словаки, русские, сербы, хорваты и румыны»²². Главный порок Австро-Венгерской империи заключался в том, что живущие в ней славяне «из всех народов пользуются наименьшими правами и беспрестанно приносятся в жертву немцам и мадьярам»²³.

Причина подобного положения заключалась в боязни правящих кругов предоставить широкие права славянским народам вследствие опасения, что эти народы установят тесные контакты с Россией, а это, в свою очередь, приведет к их выходу из состава империи.

«Славянский вопрос» в Австро-Венгрии согласно прогнозу, данному Данилевским в цикле статей «Война за Болгарию», должен был еще больше обостриться в связи с будущим присоединением к империи Боснии и Герцеговины, которые и на самом деле будут оккупированы Австрией в 1878 г. За 36 лет до Сараевского убийства Данилевский предупреждал, что «присоединение Боснии и Герцеговины к Австрии будет новым патроном динамита, подложенным под государственную систему Австрии»²⁴.

Самые роковые последствия для России имело добровольно взятое ею на себя ассистирование прусскому канцлеру Бисмарку в реализации его далеко идущих замыслов. Россия, заключив в 1859 г. договор о благожелательном нейтралитете с Францией, позволила Наполеону III в следующем году быстро расправиться с Австрией, а в 1866 г. правительство России, угрожая нападением на Австрию с тыла, допустило разгром своего многолетнего партнера-союзника, руководствуясь настроением, высказанным еще в 1853 г. М. П. Погодиным: «Австрию выгоднее иметь нам врагом, нежели другом, выгоднее во всех отношениях»²⁵. Подобная политика в конечном итоге способствовала возникновению в центре Европы германо-австрийского военно-политического блока с антироссийским острием.

Не в последнюю очередь страхи перед панславизмом двигали министром иностранных дел Австро-Венгрии Дьюлой Андраши, когда он попытался достигнуть в Вене взаимопонимания с русским послом Евгением Новиковым. Однако на открытое соглашение по Боснии и Герцеговине русское правительство, несмотря на достигнутое соглашение с Австрией в 1872 г. и подписание в 1873 г. Союза трех императоров, все же не пошло. Слишком большое влияние уже оказывало русское общественное мнение на внешнюю политику.

Русская общественность с восторгом приняла весть об отмене пункта о нейтрализации Черного моря в октябре 1870 г. (при поддержке Пруссии во время Франко-прусской войны) и подтверждении этого акта на Лондонской конференции в январе 1871 г. Однако реакция на заключение Союза трех императоров с Германией и Австро-Венгрией в 1873 г. оказалась не столь однозначной и продемонстрировала противоположность взглядов консерваторов (выступавших за восстановление альянса трех восточных империй, борьбу с революционными волнениями и сохранение политической стабильности) и панславянских кругов, которые заклинали «миссией» России как освободительницы и объединительницы всех славян и считали, подобный союз «предательством национальных интересов» России²⁶.

Балканский кризис 1870-х гг. привел к новому обострению российско-австрийских отношений. При дворе усилилась так называемая «партия действия», одним из приверженцев которой был граф Н. П. Игнатъев и которая выражала яростный антиавстрийский диктат.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. должна была, по мнению Игнатъева и его сторонников, привести к новой организации Балканского полуострова. Балканы должны были стать сферой исключительного влияния России и находиться под военным и моральным протекторатом царя. Однако эти мечты могли быть осуществлены лишь частично. Когда во время переговоров на Берлинском конгрессе Австро-Венгрия и Англия выступили против притязаний России, консервативная русская пресса заявила о «жесточайшем разочаровании». В общественном мнении наметилась жесткая схема «друг–враг», в которой Австро-Венгрия и Англия были причислены к «самым яростным врагам» России.

Результаты Берлинского конгресса в целом в русской прессе комментировали с глубоким разочарованием. Ненависть и возмущение были направлены на двух главных противников русской империи – Англию и Австро-Венгрию. Относительно балканских славян в консервативной прессе господствовало убеждение, что русскому престижу было нанесено серьезное поражение на Берлинском конгрессе. Оккупация Боснии и Герцеговины в сентябре – октябре 1878 г. вызвала в прессе угрозы и воинствующие планы в отношении Австро-Венгрии.

После убийства Александра II и вступления на престол его сына Александра III в России стала заметной наступившая в общественной жизни «реакция». Эти меры благоприятствовали консервативной прессе и ограничивали многие либеральные издания. Михаил Никифорович Катков, редактор консервативных «Московских ведомостей», использовал это время для своей активной деятельности. В течение трех десятилетий усиливалось влияние славянофилов.

Между тем внешнеполитические цели Александра III существенно отличались от его предшественников. Завоевание Константинополя и окончательное овладение Проливами отнюдь не являлись больше определяющими задачами внешней политики России.

Новый министр иностранных дел России Н. К. Гирс нашел себе соответствующего партнера в лице министра иностранных дел Австро-Венгрии Г. Кальноки. Оба они стремились к предварительному сохранению Османской империи, но это ни в коем случае не служило доказательством согласия в их взглядах. События в Болгарии 1885 и 1887 гг. привели к распаду Союза трех императоров, и усилия обоих министров иностранных дел потерпели крах. Этот союз, который с 1881 г. продлился по инициативе Бисмарка и против воли австрийского министра иностранных

дел Гаймерле, не мог предотвратить антагонизм между Россией и Австрией²⁷.

В 1894 г. Гирс и Кальноки объединили свои усилия для вмешательства во внутренние дела Болгарии и Сербии. Сопrotивление Болгарии и Австрии сделало невозможным усиление русского вмешательства в названные области. Панславизм в русском общественном мнении потерпел ущерб, а в Петербурге была организована кампания против «неблагодарных болгарских братьев», вынудившая официальную Россию обратить внимание на свою внешнеполитическую репутацию. Кроме того, в начале 90-х гг. XIX в. русские внешнеполитические интересы потребовали внимания на Дальнем Востоке.

Тяжелые потрясения в Османской империи 1895–1897 гг. и волнения на Крите, следствием которых стала война между Турцией и Грецией, вновь направили интересы Российской империи на Балканы²⁸. Наследники Гирса и Кальноки А. Б. Лобанов-Ростовский и А. Голуховский были вынуждены тут же вступить в игру. Принципом, о котором договорились две державы, был «отказ от интервенции». Летом 1896 г. стало очевидным, что в случае начала войны на Балканах этот принцип не сможет предотвратить конфликт. В августе 1896 г. Николай II заторопился в Вену, а примерно год спустя Франц Иосиф совершил ответный государственный визит в Петербург²⁹.

Целью переговоров было объемное соглашение по Балканам, которое и было заключено в 1897 г. сроком на 10 лет. На некоторое время настроения русской прессы несколько улучшились. Существенную роль в этом сыграли внутренние волнения в самой России и ее экспансия на Дальнем Востоке. На рубеже XIX–XX столетий Балканы начинают играть заметно менее значимую роль в русских внешнеполитических проектах и в газетных статьях. Назначенный в 1897 г. министром иностранных дел М. Н. Муравьев и его наследник В. Н. Ламздорф рассматривали союз с Австро-Венгрией и ее внутренние национальные волнения как гарантию того, что Россия сможет сосредоточиться на своем продвижении на Дальнем Востоке.

Отношения между Россией и Австрией на рубеже столетий, несмотря на заключенный союз 1897 г., были в большей степени окрашены недоверием, чем стремлением к широкому сотрудничеству. В то время как Вена жаловалась на панславянскую агитацию в русской общественности, Петербург упрекал Габсбургскую монархию в ее чрезмерной экономической активности на Балканах. «Македонский кризис» вынудил в 1902 г. обе империи к поиску нового пути к взаимодействию. Министр иностранных дел Ламздорф был вынужден лично защищать от нападок русской прессы свою совместную работу с Австро-Венгерской монархией в «македонском вопросе». Одновременно он резко осуждал воинствующую славянофильскую прессу и называл Н. П. Игнатьева «отцом лжи». Можно также благодарить установившееся согласие между Ламздорфом и послом Австро-Вен-

грии в России А. Л. фон Эренталем за то, что убийство сербского короля Александра Обреновича и династический кризис, приведший к воцарению сербской династии Карагеоргиевичей в 1903 г., не привели непосредственно к ухудшению отношений между Австрией и Россией. Осенью 1903 г. оба монарха и их министры иностранных дел собрались в Шенбрунне и в Мюрцштеге, результатом чего стало принятие Мюрцштегской программы³⁰.

Сербы до 1903 г. были вынуждены следовать проавстрийской политике³¹. Со сменой династии они изменяют и вместе с прорусски настроенными Карагеоргиевичами и отношение к Габсбургам. Великосербское движение не просто выражало прорусский курс, но и выступало как открытая оппозиция против преобладания немецкого и мадьярского элементов в дунайской монархии.

Вспыхнувшая в 1905–1907 гг. революция в России отвлекла общество от событий на Балканах. Дарованные населению «гражданские свободы» включали в себя и «свободу прессы», в которой все чаще стали обсуждаться внешнеполитические вопросы. Постоянно мелькали сюжеты, направлявшие общественное мнение по пути поиска заговоров и подстрекательной политики. В 1909 г. в Министерстве иностранных дел создается отдел по взаимодействию правительства с общественным мнением³².

«Возвращение России в Европу» после азиатской авантюры означало одновременное восстановление панславистских представлений в общественном мнении, «ренессанс славянской идеи». Новый идеологический тренд все острее направлял критику на Мюрцштегскую программу. Австрийско-сербская таможенная война 1906 г. стала исходным пунктом начавшегося «крестового похода» прессы против Австрии.

Аннексия Веней Боснии и Герцеговины в 1908 г. стала непосредственной причиной Боснийского кризиса и вызвала резко негативную реакцию со стороны России. Однако Россия, ослабленная войной с Японией и революцией, не могла воевать, особенно с учетом того, что из Берлина прозвучали заверения в безоговорочной верности Германии союзу с Дунайской монархией.

Общественное мнение России целиком стояло на стороне балканских славян и требовало выступить в поддержку Сербии. Газеты требовали встать на защиту славян и начать «крестовый поход» против германизации. Габсбургскую монархию называли просто «лоскутной империей» и организовывали дискуссии о дальнейшей судьбе народов и территорий после ее распада³³. Однако российское правительство было вынуждено признать, что Россия к войне не готова.

Лидер партии кадетов П. Н. Милюков писал, что «ряд этих неудач – свидание в Бухлау, аннексия, австрийский и германский ультиматумы и безусловная сдача России, произвел огромное и тяжелое впечатление в русском обществе всех направлений»³⁴. Действия Австро-Венгрии и Германии вызвали чувство глубокой вражды к

Вене и Берлину и заставили тех, кто до сих пор колебался и сомневался, искать более тесного союза с западными державами и особенно с Англией.

Неославизм обозначил исход Балканского кризиса 1909 г. и стал краеугольным камнем для развития отношений между Габсбургской монархией и Российской империей в начале XX в. Аннексионный кризис рассматривался как последний камень в мозаике, который летом 1914 г. однозначно привел к войне. Исход Первой мировой войны завершил австро-русские отношения, однако не победой одного из противников, а разрушением империй и исчезновением обоих противников с политической карты Европы. Не последнюю роль в этом сыграло общественное мнение, которое усиливало радикализацию межгосударственных отношений России и Австро-Венгрии.

Примечания

- 1 См.: *Медяков А. С.* История международных отношений в Новое время. М. : Просвещение, 2007. С. 149.
- 2 См.: Вена в русской мемуаристике : сборник материалов / сост. Е. В. Суровцева. Казань : Бук, 2016. 151 с.
- 3 *Unckel B.* Österreich und die Krimkrieg. Studien zur Politik der Donaumonarchie in den Jahren 1852–1856. Lübeck-Hamburg : Historische Studien, 1969. S. 35.
- 4 *Beer A.* Die orientalische Politik Österreichs seit 1774. Prag-Leipzig : G. Freytag, 1883. S. 1–3.
- 5 *Srbik H. R.v.* Metternich : Der Staatsmann und der Mensch. 3 Bde. München : F. Bruckmann, 1925. Bd. 1. S. 639.
- 6 Ibid.
- 7 См.: *Герцен А. И.* Россия и Польша // Собр. соч. и писем : в 30 т. Т. 14 : 1954–1966. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. С. 7–60.
- 8 *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М. : Художественная литература, 1983. С. 188.
- 9 См.: *Валуев А. Д.* Начало славянофильства. М. : Институт русской цивилизации, 2010.
- 10 См.: *Гильфердинг А. Ф.* Россия и славянство. М. : Институт русской цивилизации, 2011.
- 11 См.: *Ламанский В. И.* Геополитика панславизма. М. : Институт русской цивилизации, 2010.
- 12 См.: *Миллер О. Ф.* Славянство и Европа. М. : Институт русской цивилизации, 2012.
- 13 См.: *Хомяков А. С.* Всемирная задача России. М. : Институт русской цивилизации, 2011.
- 14 *Татищев С. С.* Император Николай и иностранные дворы. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1889. С. 123.
- 15 Там же.
- 16 *Тютчева А. Ф.* Воспоминания : При дворе двух императоров. Дневник. М. : Захаров, 2016. С. 173.
- 17 *Торнау Ф. Ф.* Воспоминания барона Ф. Ф. Торнау [Вена, 1859]. М. : АИРО-XXI, 2017. С. 219–220.
- 18 *Revertera an Beust am 6. / 18. Mai 1867 // Winter E.* Der Panslavismus nach den Berichten der österreichisch-ungarischen Botschafter in St. Petersburg (= Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften in Prag). Prag : Deutsche Akad. der Wissenschaften in Prag, Reichenberg, Kraus, 1944. S. 8.
- 19 Московские ведомости. 1866. № 135, 29 июня ; № 140, 7 июля, № 145. 12 июля.
- 20 *Извольский А. П.* Воспоминания / пер. с англ. М. : Междунар. отношения, 1989. С. 103.
- 21 *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа // Классика геополитики, XIX век : сб. / сост. К. Королев. М. : АСТ, 2003. С. 537.
- 22 *Данилевский Н. Я.* Война за Болгарию // *Данилевский Н. Я.* Горе победителям : Политические статьи. М. : Облиздат, 1998. С. 168.
- 23 *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа... С. 535.
- 24 *Данилевский Н. Я.* Война за Болгарию... С. 168.
- 25 Цит. по: *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. СПб. : Колос, 1913. С. 98.
- 26 *Carlgren W. M.* Iswolsky und Aehrenthal vor der bosnischen Annexionskrise. Russische und österreichisch-ungarische Balkan Politik. Uppsals : Almqvist und Wiksell, 1955. S. 8.
- 27 Ibid. S. 4.
- 28 *Langer W. L.* The Diplomacy of Imperialism 1890–1902. N. Y. : A. A. Knopf, 1968. P. 145–149, 195–201.
- 29 Ibid. P. 373–775.
- 30 См.: *Рыбаченок И. С.* Последний бастион. В. Н. Ламздорф и Мюрцштегское соглашение 1903 года // Российская дипломатия в портретах / под ред. А. В. Игнатьева, И. С. Рыбаченко, Г. А. Санина. М. : Междунар. отношения, 1992.
- 31 *Markov W. M.* Serbien zwischen Österreich und Rußland 1897–1908 (Beiträge zur Geschichte der nachbismarckischen Zeit und des Weltkrieges). Stuttgart : W. Kohlhammer, 1934. S. 1–3.
- 32 См.: *Бестужев И. В.* Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906–1910 гг. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 76.
- 33 См.: Новое время. 1908. 25 сент. 1909. 15 и 16 марта.
- 34 *Милюков П. Н.* Балканский кризис и политика А. П. Извольского. М. : Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1910. С. 305.

Образец для цитирования:

Сироткина Е. В. Образ Австрии в общественном мнении России в XIX – начале XX века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 364–369. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-364-369>

Cite this article as:

Sirotkina E. V. The Image of Austria in Russian Public Opinion in the XIX – Early XX Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 364–369 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-364-369>